

КОФЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Анастасия Станкявичене

Институт языков и культур Балтийского региона

Вильнюсский университет, Литва

E-mail: anastasija.stankevicene@ffl.stud.vu.lt

Резюме. В данной статье кофе анализируется как один из аспектов культурного кода русского общества XVIII в., представлен исторический контекст появления напитка в России. Целью исследования является раскрытие семантических особенностей кофе в текстах русских авторов XVIII – начала XIX вв. В ходе семантического и компаративного анализа текстов А. Кантемира, Г. Державина, Екатерины II, И. Крылова, Н. Новикова, В. Кюхельбекера и др. определяется диапазон значений, которые авторы придают напитку: от негативно окрашенного атрибута представителей высшего сословия до позитивного «эликсира вдохновения». Рассматривается взаимосвязь кофе с социальным статусом персонажей.

Ключевые слова: кофе, русская литература, XVIII век.

COFFEE IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES

Anastasija Stankeviciene

Institute for the Languages and Cultures of the Baltic

Vilnius University, Lithuania

Abstract. In the article, coffee is analyzed as one of the aspects of the cultural code of the Russian society in the 18th century. The historical context of the adaptation of coffee in Russia is also reconstructed. The purpose of the research is to reveal the semantic features of coffee in the texts of Russian authors of the 18th – early 19th centuries. Through semantic and comparative analysis of the coffee theme in the texts of A. Kantemir, G. Derzhavin, Catherine II, I. Krylov, V. Kuchelbecker and others, the range of meanings of the beverage and the context of using the word *coffee* is determined: from a negative attribute of the aristocracy to a positive 'inspiration elixir'. The connections between coffee and the social status of the character are also investigated.

Keywords: coffee, Russian literature, 18th century.

Статья посвящена исследованию кофейной тематики в литературных текстах XVIII – начала XIX в. В то время как чайная тематика в произведениях русских авторов довольно активно исследуется, работ, посвященных кофейной теме в русской литературе XVIII в., существует немного. Назовем работу Константина Богданова (Богданов, 2006), а также статьи Надежды Проданик и Дмитрия Таранова (Проданик, 2022; Проданик, Таранов, 2022).

В нашей статье будет кратко представлен исторический контекст появления кофе в России, а также прослежена динамика восприятия напитка в российском обществе, основанная на анализе и сопоставлении фрагментов некоторых литературных текстов отдельных литераторов.

Откуда в Россию пришел кофе? Согласно К. Богданову, первое официальное знакомство с напитком в России происходит в 1665 г., когда придворный лекарь царя Алексея Михайловича выписывает рецепт, в котором говорится: *«Вареное кофе, турками известное, и обычно после обеда, изрядно есть лекарство против насморков и главоболий»*. Позже Петр I пробует кофе в Голландии. По приезду домой царь издает указ, в котором велит всем употреблять кофе в качестве лекарства не только в домашней обстановке, но и, например, на ассамблеях. Кофе также начинают предлагать посетителям Кунсткамеры. Важно заметить, что у консервативной части населения, в частности, духовенства, повсеместное употребление иностранного напитка вызвало отторжение, что спровоцировало появление в народе таких суждений как *«Кто пьет кофе – налагает ков на Христа»*, *«Черная кровь турок не для христианства!»* (Богданов, 2006, с. 57, 60). Кроме того, появляются так называемые кофегадательницы, что также негативно влияет на репутацию кофе, так как напиток становится магическим атрибутом гаданий. На протяжении XVIII–XIX вв. словоформы слова *кофе* варьируются: кофий, кофей, «кохей», «кофа», «кофь», «кафе».

Обратимся к литературным текстам и посмотрим, как менялся контекст употребления слова *кофе*. Антиох Кантемир первым в русской литературе вводит мотив кофе. Рассмотрим фрагмент из его «Сатиры II. На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений»:

*Зевнул, растворил глаза, выспался до воли,
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидаю
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая.*

(Кантемир, 1956, с. 68)

Здесь кофе является частью образа молодого дворянина, не обремененного тяжелой службой. Он ведет беззаботную жизнь изнеженного аристократа, наслаждается заморскими напитками. В комментариях к сатире Кантемир поясняет, что под пойлом подразумевается кофе. Юрий Лотман и Елена Погосян указывают, что «будучи труднодоступным, кофе как в России, так и во Франции на протяжении XVIII в. считался модным напитком, характеризующим франта или вельможу, привыкшего к роскоши» (Лотман, Погосян, 2002). Согласно Юрию Щеглову, описание часов, проведенных в постели с кофе, открывает значимый для литературы XVIII в. сюжет – сюжет пустой жизни эстета-аристократа на фоне самоотверженных трудов и жертв других людей (Щеглов, 2004, с. 133).

В творчестве Гавриила Державина ярче всего, по сравнению с другими поэтами XVIII в., представлена гастрономическая образность. Например, в стихотворении «Вельможа» кофе также становится символом материально обеспеченной жизни. Кофейный ритуал занимает важное место в распорядке дня аристократа, который ведет праздное существование: «Токай – густое льет вино, / Левант – с звездами кофе жирный...» (Державин, 1957, с. 213). Подобный сюжет Державин создает в оде «Фелица», где трудолюбивой императрице Екатерине II противопоставляется образ ленивого «мурзы»: «А я, проспавши до полудни, / Курю табак и кофе пью» (Там же, с. 98). На фоне забот и бесконечных дел императрицы размеренный ритм жизни поэта (он же – автор оды, он же – «мурза») кажется отдыхом, бездельем. Кофе снова выступает в качестве атрибута легкой жизни.

Несколько иное настроение передается в позднем произведении Державина «Евгению. Жизнь Званская». В отличие от предыдущих текстов, здесь кофе внедряется в пространство идиллии деревенской жизни. Ирония отсутствует. Согласно Н. Проданику, кофе здесь выступает не как символ праздности, а как элемент частной жизни в идиллическом пространстве. Наслаждаться чаем или кофе – обязательный элемент бытия мудрого человека, осознающего быстротечность жизни. Левантский (т.е. турецкий) кофе ценили в России больше всего, поэтому «пить левантский кофе» означало быть обеспеченным человеком и иметь тонкий вкус. Если для Кантемира неспешное кофепитие – это порок дворянина, то для Державина позднее пробуждение и ароматный кофе на завтрак – это элементы жизни, где равно допустимы и служение, и отдых (Проданик, 2022).

Мы уже упоминали трудолюбивую Фелицу, а теперь посмотрим, как представлен мотив кофе в творчестве самой Екатерины II. В аллегорической «Сказке о царевиче Хлоре» (на которую сослался Державин в оде «Фелица») находим одно упоминание слова *кофе*. Царевич Хлор отправляется на поиски «розы без шипов» и попадает в хоромы Лентяг-Мурзы. Тот пытается «услужить» гостю в соответствии с его статусом, велел подать кофе в тандеме с курительными трубками, от которых высокий гость отказывается (Екатерина II, 1893, с. 369).

В. Богданов пишет, что в дискуссиях европейских интеллектуалов XVIII – начала XIX в. кофе и какао часто являлись поводом к беседе о колониальной политике и торговле (Богданов, 2006, с. 61). Отголоски этих споров доходят и до России. Например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Александра Радищева слово *кофе* встречается в четырех главах. В двух из них оно используется именно в контексте рабства или крепостничества. В главе «Вышний Волочок» речь идет о кофе как привозном товаре, полученном благодаря поту и слезам людей, работавших на плантации: «Сахар, кофе, краски, не осушившиеся еще от пота, слез и крови, их омывших при их возделании. [...] Дерзай, жестокосердой, усладить гортань твою» (Радищев, 1992, с. 74–75). В главе «Пешки» Радищев вновь говорит о кофе с сарказмом, описывая напиток как результат непосильного труда других людей: «...Я [...] налил в чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африканских невольников» (Там же, с. 112–113). В главе «Подберезье» кофе показан как лекарство от головной боли: «...нянюшка моя [...] охотница была до кофею. – Как чашек пять выпью, – говаривала она, – так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни» (Там же, с. 28). В главе «Городня» кофе является частью зарплаты учителя. Сахар, кофе, чай – дорогие и труднодоступные товары, равноправно выступающие в качестве платы наряду с деньгами.

В «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина слово *кофе* используется 55 раз. В большинстве случаев словосочетания со словом *кофе* являются стилистически нейтральными и выступают в значении горячего напитка, который дарует бодрость и энергию. Интересно, что в берлинском трактире путешественник платит за чашку кофе 15 копеек, в то время как за комнату для ночлега – 50, т.е. стоимость порции кофе составляет почти треть от стоимости ночлега. Отдельного внимания заслуживает описание «кофейных реалий» во Франции. Путешественник не скрывает своего восхищения, делает ак-

цент на развитой культуре употребления кофе и большом количестве кофейных домов во Франции (Карамзин, 1987, с. 5–273). Это важный нюанс, так как в XVIII в. «Франция являлась ориентиром для России в отношении культуры» (Лотман, Погосян, 2002).

Русский издатель и критик Николай Новиков также поднимает кофейную тему в издаваемых им журналах. Например, в сатирическом журнале «Трутень» Новиков описывает ситуацию, в которой русские солдаты мечтают попробовать турецкий кофе в результате победы над турками: «Мы с нетерпением ожидаем того дня, в которой будем обедать в Хотине, а, пообедавши хорошенько и напившись турецкого кофе, безмерно хочется нашим солдатам посмотреть, каково ужинает турецкий везир» (Новиков, 1986, с. 85).

В контексте развития кофейной культуры интересно обратить внимание на такую возрастную категорию, как дети. В журнале «Детское чтение» Новиков говорит: «Крепкое кофе опаснейшие для детей имеет действия. Оно разжигает кровь, препятствует росту» (Новиков, 1954, с. 448). Мы видим, что в России за кофе закрепляется семантика небезопасного и, в первую очередь, взрослого напитка.

Не обошел вниманием кофейный напиток и Иван Крылов. Обратимся к самому раннему его произведению – тексту «Кофейница», основой для написания которой стала статья Н. Новикова о гадалке на кофейной гуще. В произведении остро представлена тема крепостничества. Гадалка-кофейница становится своеобразным связующим звеном между мирами помещицы, приказчика и крестьян, однако в итоге она с позором должна отправиться в тюрьму из-за обмана и стремления к личной выгоде. Помещица наказывает приказчика и кофейницу: «Возьми этого плута и эту мошенницу и вели, чтоб их взаперти держать до завтрашнего дня; а завтра я с ними отправлюсь в город, и там они за их плутни наказаны будут» (Крылов, 1946, с. 60). Кофе в этой «комической опере» представлен как атрибут лжедуховной практики, невежества, обмана и корыстности.

Первый русский поэтический текст, главной темой которого стал кофе, был написан в 1815 г. и принадлежит Вильгельму Кюхельбекеру. В стихотворении «Кофе» Кюхельбекер создает своеобразную оду напитку, называя его «несравненным, отрадой для певцов, нектаром мудрецов». Согласно Проданик и Таранову (Проданик, Таранов, 2022, с. 49), впервые в русской литературе напиток становится не только элементом распорядка дня жизни поэта, но и полноценным объектом вос-

певания, эстетического наслаждения и поэтических восторгов: «Жар, восторг и вдохновенье / Грудь исполнили мою – / Кофе, я тебя пою» (Кюхельбекер, 1989, с. 26).

Важно заметить, что поэт противопоставляет кофе другому излюбленному напитку поэтов – вину и всячески подчеркивает превосходство кофе. Для сравнения, в начале XIX в. «главным напитком вдохновения Пушкин считает вино» (Проданик, Таранов, 2022, с. 49), в то время как Кюхельбекер отказывается от подобного традиционного восприятия и иронично указывает на необходимость славить другой эликсир поэтического вдохновения – кофе.

*Пусть другие громогласно
Славят радости вина:
Не вину хвала нужна!
[...]
Дар прямой самих богов,
Кофе, нектар мудрецов!*
(Кюхельбекер, 1989, с. 26)

Как видим, в России XVIII век стал временем постепенного освоения напитка не только в повседневной культуре, но и в литературном творчестве. Семантика кофе не была устойчивой. Авторы приписывают ему диаметрально противоположные значения, меняется и контекст употребления слова.

Кантемир видит кофе символом пустой жизни аристократа. У Державина кофе противопоставлен трудовым будням императрицы, а также символизирует размеренную, идиллическую жизнь в загородном доме. При этом Державин описывает саму кофейную субстанцию – отмечает ее «жирность». У других авторов этот аспект отсутствует.

У Екатерины II кофе выступает в качестве символического атрибута человека знатного происхождения. Радищев показывает кофе как результат рабского труда, сочетая кофейную тему с проблемой крепостного права. Карамзин видит кофе важной частью культурной жизни французского общества. У Крылова напиток фигурирует как элемент неблагочестивой практики гадания на кофейной гуще, в то время как Кюхельбекер превозносит кофе, наделяя его благородными качествами напитка для мудрецов и поэтов. Семантика кофе меняется от сугубо отрицательной у Кантемира до восторженной у Кюхельбекера. Дальнейшая трансформация семантики кофе заслуживает отдельного исследования.

Литература

- Богданов, К.А., 2006. *Слоны и кофе: чужое как свое. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Державин, Г.Р., 1957. *Стихотворения*. Москва: Советский писатель.
- Екатерина II, 1893. *Сочинения императрицы Екатерины II*. / Под ред. Арс. И. Введенского. Санкт Петербург: Издание А.Ф. Маркса.
- Кантемир, А.Д., 1956. Сатира II. На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений. In: Кантемир, А.Д. *Собрание стихотворений*. Москва: Советский писатель.
- Карамзин, Н.М., 1987. *Письма русского путешественника*. Ленинград: Наука.
- Кюхельбекер, В.К., 1989. *Сочинения*. Ленинград: Художественная литература.
- Крылов, И.А., 1946. *Полное собр. сочинений*. Москва: Гос. изд-во художественной литературы. Т. 2.
- Лотман, Ю.М., Погосян, Е., 2002. От кухни до гостиной. In: Лотман, Ю.М. *История и типология русской культуры*. Санкт-Петербург: Искусство, с. 255–320. Режим доступа: https://historicus.media/ot_kuhni_do_gostinoi/ [см. 01 03 2024].
- Новиков, Н.И., 1954. О воспитании и наставлении детей. In: Новиков, Н.И. *Избранные сочинения*. Москва; Ленинград: Художественная литература, с. 417–507.
- Новиков, Н.И., 1986. Сатирические ведомости. «Трутень». Лист XVI. Августа 11 дня. Ведомости. In: *Русская сатирическая проза XVIII века: сборник произведений*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, с. 84–88.
- Проданик, Н.В., 2022. Кофе в русской культуре XVIII века: от историко-культурного контекста к семантике напитка в литературе. *Культура и текст*, 3(50), с. 34–46. Режим доступа: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2022/10/34-46.pdf> [см. 01 03 2024].
- Проданик, Н.В., Таранов, Д.П., 2022. Кофе в русской лирике начала XIX века: Семантические акценты и семиотический потенциал. *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2 (10), с. 46–52. Режим доступа: <https://wordtextcontext.ru/index.php/wtc/article/view/141/135> [см. 01 03 2024].
- Радищев, А.Н., 1992. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность*. Изд. подготовил В.А. Западов. Санкт-Петербург: «Наука». С.-Петербургское отделение.
- Щеглов, Ю.К., 2004. *Антиох Кантемир и стихотворная сатира*. Санкт-Петербург: Гиперион. Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/shheglov_antiokh_kantemir_i_stikhotvornaya_satira_2004_ocr.pdf [см. 01 03 2024].

References

- Bogdanov, K.A., 2006. *Slony i kofe: chuzhoe kak svoe. O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniia i ekzotizmov*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Derzhavin, G.R., 1957. *Stikhotvoreniya*. Moskva: Sovetskii pisatel'.
- Ekaterina II, 1893. *Sochineniya imperatritsy Ekateriny II.* / Pod red. Ars. I. Vvedenskogo. Sankt Peterburg: Izdanie A.F. Marksa.
- Kantemir, A.D., 1956. Satira II. Na zavist' i gordost' dvoryan zlonravnykh. Filaret i Evgenii. In: Kantemir, A.D. *Sobranie stikhotvoreniia*. Moskva: Sovetskii pisatel'.
- Karamzin, N.M., 1987. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad: Nauka.
- Kyukhel'beker, V.K., 1989. *Sochineniya*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Krylov, I.A., 1946. *Polnoe sobr. sochinenii*. Moskva: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury. T. 2.
- Lotman, Yu.M., Pogosyan, E., 2002. Ot kukhni do gostinoi. In: Lotman, Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, s. 255–320. https://historicus.media/ot_kuhni_do_gostinoi/ [sm. 01 03 2024].
- Novikov, N.I., 1954. O vospitanii i nastavlenii detei. In: Novikov, N.I. *Izbrannye sochineniya*. Moskva; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, s. 417–507.
- Novikov, N.I., 1986. Satiricheskie vedomosti. «Truten'». List XVI. Avgusta 11 dnja. Vedomosti. In: *Russkaya satiricheskaya proza XVIII veka: sbornik proizvedenii*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, s. 84–88.
- Prodanik, N.V., 2022. Kofe v russkoi kul'ture XVIII veka: ot istoriko-kul'turnogo konteksta k semantike napitka v literature. *Kul'tura i tekst*, 3(50), s. 34–46. <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2022/10/34-46.pdf> [sm. 01 03 2024].
- Prodanik, N.V., Taranov, D.P., 2022. Kofe v russkoi lirike nachala XIX veka: Semanticheskie aktsenty i semioticheskii potentsial. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (10), s. 46–52. <https://wordtextcontext.ru/index.php/wtc/article/view/141/135> [sm. 01 03 2024].
- Radishchev, A.N., 1992. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol'nost'*. Izd. podgotovil V.A. Zapadov. Sankt-Peterburg: «Nauka». S.-Peterburgskoe ot-delenie.
- Shcheglov, Yu.K., 2004. *Antiokh Kantemir i stikhotvornaya satira*. Sankt-Peterburg: Giperion. https://imwerden.de/pdf/shcheglov_antiokh_kantemir_i_stikhotvornaya_satira_2004__ocr.pdf [sm. 01 03 2024].